

ПИСАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ИВАН БУРКИН — РУССКИЙ ПУТЧИСТ ИЗ АМЕРИКИ

Кн. обозрение, — 1995. — 25 апр. — с. 9.

Иван Буркин первый раз приехал на Родину после полувекового отсутствия в дни августовского путча 1991-го. Но, как заметил поэт Вячеслав Куприянов, Буркин и сам — ПУТЧИСТ: он умеет устраивать ПУТЧИ в русской грамматике... Имя его мало известно читателю, хотя любители свободного стиха читали в отечественных изданиях последних лет верлибры Ивана Буркина.

— Фамилия у меня чеховская, — начал разговор наш собеседник. — В рассказе «Человек в футляре» фигурирует учитель Буркин...

— Иван Афанасьевич, а других ниточек, связывающих вас с Чеховым, стало быть, нет?

— Единственная — люблю Чехова! Когда я писал свои первые рассказы, они были в какой-то мере навеяны Чеховым. Его творчество я изучал достаточно серьезно, а его новеллы, их сюжеты и композиция интересовали меня и как писателя, и как преподавателя: я многие годы преподавал русскую литературу в американских университетах. Естественно, меня интересовали и другие писатели, ведь я читаю курс русской литературы XIX—XX веков...

— Вас мало знают в России, а точнее, просто не знают. Расскажите о себе, пожалуйста...

— Вполне согласен с вами: в России меня знают мало. Хотя мои вещи печатались здесь в «Литературной газете», в альманахе «Поэзия». Были они опубликованы и в газете «Завтра»: я посылал в журналы «Москва» и «Слово», а стихи каким-то образом оказались в «Завтра»...

— Как вы оказались за рубежом?

— Я родился в России — в Поволжье. Получил среднее и высшее образование, а затем оказался «унесенным бурей» войны в эмиграцию. В Америке живу вот уже около 50 лет. В Колумбийском университете в начале 50-х закончил аспирантуру, получил звание магистра и докторскую степень. Изучал сравнительное славянское языкознание, а также сравнительное индоевропейское языкознание. Работал в различных университетах штатов Нью-Йорк и Калифорния. Последние годы перед выходом на пенсию преподавал в Университете Сан-Франциско.

— Область своих профессиональных интересов вы очертили. А каковы ваши творческие устремления?

— Моя творческая деятельность началась еще в России. Я начал писать рано — будучи школьником. Первые стихи мои появились в 1938-м.

— Знаменательный год!

— Во всех отношениях!.. Потом началась война. Писать было трудно. Приходилось думать о хлебе насущном. После переезда на окончательное место жительства в США стал писать более-менее регулярно. Конечно, в зависимости от того, сколько свободного времени у меня оставалось после преподавательской работы. Верлибры я стал писать еще в середине 40-х годов... Даже не знаю, почему у меня появилась любовь к этому виду стиха. Может быть, потому, что в какой-то момент я почувствовал, что рифма стесняет свободу выражения.

— Вы оказались в свободном мире — и к вам пришел свободный стих!

— Возможно, и это подтолкнуло. Попутно я продолжал писать и традиционным стихом.

Но любовь к верлибру нарастала. Одновременно я писал прозу, в основном рассказы. Но в эмиграции — проблема с читателем и публикациями. Журналов в эмиграции мало. А читателя, по существу, нет. Те журналы, которые существовали, были осторожны с авторами. Они печатали в основном тех, кто писал в традиционной манере. Верлибр был неприемлем. В крупных эмигрантских журналах появиться верлибру было невозможно. Например, в парижском «Возрождении», и даже в «Гранях», которые считались передовыми, прогрессивными, смелыми, не боялись печатать что-то новое, оригинальное. В основном я публиковался именно в «Гранях». Потом у меня появился свой журнальчик, вернее альманах, «Перекрестки»: он издавался в середине 70-х, и я был его соредактором...

В России существует мнение: мол, за границей нет никакой цензуры и в печать можно протолкнуть что угодно. Ошибочное мнение. Может быть, больше всего консерватизма именно в эмиграции. В этом отношении в России всегда было больше новых направлений. Например, появление в конце двадцатых обэриутов, с которыми я познакомился очень рано — будучи студентом педагогического института в России. Для меня обэриуты были своеобразной школой. Как, впрочем, и футуристы. Я люблю новаторскую дерзость футуристов. По-моему, они были свежим ветром в поэзии двадцатых! Я не отрицаю других модернистских течений, которые существовали в России: акмеизм, имажинизм... Но для меня учителями были футуристы Маяковский и Хлебников, обэриуты во главе с Заболоцким, Пастернак...

— С какими целями вы приехали в Россию? Есть какие-нибудь проекты?

— Я приехал, чтобы встретиться со знакомыми литераторами, во-первых. Кроме того, привез неопубликованную прозу — в основном рассказы, новеллы, эссе. Хотя у меня есть и большая проза: два романа. Мои вещи взяли в Петербурге для публикации в «Новом журнале» и альманахе «Петрополь». В Москве хотел бы дать что-нибудь в «Новый мир». С книжными издательствами России я плохо знаком, хотя хотел бы издать здесь небольшую

книжку своих рассказов и эссе. У меня уже есть для нее название: «Стрельба в драматическом пространстве». В эмиграции эти вещи неприемлемы. Они были написаны примерно 20 лет назад, я предлагал их разным изданиям. Но мой стиль плохо принимается. Скажем, редактор сразу отпугивал названия «Паника в грамматике»...

— Хорошо ли вы знакомы нашей литературой?

— По роду своей деятельности я должен был читать советских авторов. У меня хранятся подшивки за несколько лет «Литературной газеты», «Нового мира» и «Юности». Я старался быть в курсе всего, что касалось новых течений в литературе в родине. Доводилось так встречаться с писателями России, приезжавшими в США. 1991 году, приехав в Россию познакомился с некоторыми литераторами — Вячеславом Куприяновым, Иваном Ждановым, Ниной Искренко, Александром Еременко...

— Вы по возрасту уже потесь в патриархи. Не хотели возглавить движение постдернистов России?

— Я живу за границей. Итого желания у меня не было. Да и захотят ли российские поэты-модернисты иметь меня в качестве патриарха? Я не совсем уверен, что все они признают меня и мое творчество.

— А патриарх для того и нужен, чтобы исполнять танец на его костях!

— Возможно. Конечно, хотелось бы вернуться на родину, чтобы умереть где-то здесь. Но знаю, удастся ли...

— Как живет в США литератор-пенсционеру?

— В Америке можно жить на пенсию, если пенсия... хорошая. Человек, работавший всю жизнь (в университете или на предприятии), я получаю две пенсии: федеральную и от университета. Всего 3 тысячи долларов. На эти деньги можно жить, но нельзя забывать, что в США есть много расходов. Нужно платить за квартиру почти треть, а иногда и половину пенсии. Нужно платить страховой компании (если машина застрахована), за электричество, газ, бытовые услуги... От всей пенсии в результате остается совсем немного на продукты...

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ и
Евгения УЛЬЧЕНКО
Фото А.ЛЕМЕЦКОГО